

УДК 902 (571.150)

ББК 63.48 (253.37)

Археологические исследования А.П. Уманского на Алтае (1964–1972 гг.)*

М.А. Демин

Алтайский государственный педагогический университет (Барнаул, Россия)

A.P. Umansky's Archaeological Research in Altai (1964–1972)

M.A. Dyomin

Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russia)

Обобщаются результаты археологических изысканий Алексея Павловича Уманского на новом этапе его научной деятельности. На основе неопубликованных архивных источников впервые в историографии рассматриваются контакты барнаульского исследователя с ведущими советскими археологами М.П. Грязновым, А.П. Окладниковым, Б.Б. Пиотровским. В публикации содержится обзор полевых экспедиционных работ А.П. Уманского в Нижней Суетке, Раздумье, Плотинной, Ильинке и на других памятниках. Особое внимание уделяется исследованиям на Улалинке, которые породили длительную дискуссию и привели к рождению принципиально новой гипотезы о времени и путях первоначального освоения Сибири человеком. В статье показано, как шло формирование теоретических взглядов Уманского на ряд проблем археологии Алтая. Так, ученый формулирует идею о том, что андроновское население появилось в Верхнем Приобье на заключительном этапе развития федоровской культуры. Кроме того, он обосновывает тезис о своеобразии памятников степной и лесостепной зон Алтайского края второй половины I тыс. до н. э., отличающихся как от погребений большереченской культуры Верхнего Приобья, так и от майэмирско-пазырыкско-шибинских курганов Горного Алтая. Позже, в начале 1980-х гг., вместе с В.А. Могильниковым он приведет развернутую аргументацию в пользу принадлежности большой группы памятников, преимущественно им же исследованных, к особой каменной культуре.

Ключевые слова: А.П. Уманский, М.П. Грязнов, А.П. Окладников, археология, Улалинка, Алтай.

The article summarizes the results of archaeological research of A.P. Umansky at a new stage of his scientific activity. On the basis of unpublished archival sources for the first time in the historiography consideration is given to contacts of the Barnaul researcher with the leading Soviet archaeologists M.P. Gryaznov, A.P. Okladnikov, B.B. Piotrovsky. The publication provides an overview of the field excavation works of A.P. Umansky in Lower Suetka, Razdymie, Plotinnoe, Ilinka and other sites. Special emphasis is given to the research on Ulalinka, which gave rise to a lengthy debate and led to the birth of a radically new hypothesis about the time and ways of the initial development of Siberia. This article shows the process of the formation of theoretical views of Umansky on the several problems of Altai archaeology. So the scientist formulates the idea that Andronovo population emerged in the Upper Ob region at the final stage of development of the Fedorovo culture. In addition, it proves the thesis about the uniqueness of the sites of the steppe and forest-steppe zone of the Altai region in the second half of the 1st Millennium BC, which differ from the burials of the Bolsherechenskaya culture of the Upper Ob region and from Majjemirsko-Pazyrykско-Shibinskie mounds of the Altai Mountains. Later, in the early 1980s, together with V.A. Mogilnikov he will give detailed arguments to prove that a large group of monuments, he excavated are attributed to the special Kamenskaya culture.

Key words: A.P. Umansky, M.P. Gryaznov, A.P. Okladnikov, archaeology, Ulalinka, Altai.

DOI 10.14258/izvasu(2017)5-35

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках реализации проекта № 17-11-22005 «Историк в региональном социокультурном пространстве второй половины XX в.».

Целью статьи является обобщение результатов археологических изысканий А.П. Уманского на новом этапе его научной деятельности [1, с. 30–42; 2, с. 200–205]. На основе неопубликованных архивных источников впервые в историографии рассматриваются контакты барнаульского исследователя с ведущими советскими археологами М.П. Грязновым, А.П. Окладниковым, Б.Б. Пиотровским. Особую актуальность для современной науки имеют итоги полевых работ А.П. Уманского на Улалинке, поскольку они привели к рождению принципиально новой гипотезы о времени и путях первоначального освоения Сибири человеком. Нижние хронологические рамки публикации обусловлены переходом исследователя из управленческих структур в высшее учебное заведение, верхние — началом многолетнего сотрудничества А.П. Уманского с московским археологом В.А. Могильниковым, а также с учеными Алтайского государственного университета, соответственно, изменением статуса его экспедиционных работ.

С 1 сентября 1963 г. А.П. Уманский возвращается на работу в Барнаульский пединститут на должность старшего преподавателя кафедры истории. В вуз он перешел с четкой целью продолжения и расширения полевых археологических работ, обработки и публикации уже накопленных материалов. В результате многочисленных разведок и раскопок в предыдущие годы исследователь получил в свое распоряжение обширный археологический материал. А.П. Уманский справедливо полагал, что сумеет его обобщить под руководством М.П. Грязнова, под началом которого он участвовал в нескольких археологических экспедициях.

В конце 1963 г. А.П. Уманский обратился к ленинградскому археологу с большим письмом. В нем видна некоторая неуверенность барнаульского преподавателя в положительном решении вопроса, которая, видимо, объясняется не только отсутствием у него специального «архобразованья» и понятной робостью провинциального исследователя перед маститым столичным ученым, но и тем, что вопреки совету М.П. Грязнова А.П. Уманский предлагал для диссертации не общеисторическую, а археологическую тематику. В начале письма он приводит объяснения, почему, несмотря на определенные наработки по истории телеутов, сделан выбор в пользу археологии. Это было связано прежде всего с большим массивом археологических источников, полученных исследователем в последние годы. Он «увязал» в археологии, все дальше «отодвигаясь от исторической темы» и теряя к ней интерес. Сетую на то, что нет возможности непосредственно познакомить М.П. Грязнова с имеющимся археологическим материалом, А.П. Уманский перечисляет исследованные им памятники, подчеркивая наличие дальнейших перспектив изучения ряда объек-

тов [3]. Некоторую задержку с ответом на свое письмо А.П. Уманский воспринял с большой тревогой и, «как сигнал о бедствии», просил М.П. Золотухину помочь прояснить ситуацию [4].

В середине января 1964 г. ответное письмо от М.П. Грязнова было получено. Оговорившись, что он не имеет достаточно полного представления о материалах А.П. Уманского, ленинградский ученый все же выражал уверенность, что на них «можно построить хорошую диссертацию, и что Вы это сможете сделать». Однако он несколько раз настойчиво повторял, что успех возможен только при одном неперемennom условии: соискатель должен примерно год провести в Ленинграде, чтобы «делиться мыслями и соображениями с археологами близкого научного профиля», в противном случае будет трудно подняться выше «посредственного провинциального» уровня [5].

По ходатайству М.П. Грязнова заведующий Ленинградским отделением Института археологии М.К. Каргер выразил согласие принять А.П. Уманского в годичную аспирантуру [6, л. 20]. Однако Министерство просвещения РСФСР не дало разрешения на прикомандирование диссертанта к неподведомственному ему академическому учреждению. В итоге проблему удалось решить только в ведомственных рамках Кемеровского педагогического института. Но для этого А.П. Уманскому пришлось круто изменить уже устоявшиеся планы научных работ и вопреки исследовательским интересам отказаться от археологической проблематики, занявшись изучением истории телеутов в XVII–XVIII вв. Тем не менее вплоть до свертывания активной деятельности по возрасту и состоянию здоровья он ежегодно проводил полевые археологические изыскания за исключением 1967 г., когда он находился в Москве и Ленинграде для сбора материалов по теме кандидатской диссертации.

В 1964 г. экспедиция Барнаульского пединститута и Алтайского краевого музея под руководством А.П. Уманского проводила исследования грунтового андроновского могильника у с. Нижняя Суетка Суетского района, обнаруженного в результате хозяйственных работ еще в 1955 г. Были выявлены 38 и раскопаны 32 могилы, 27 из которых принадлежали детям. Погребения совершались по обряду кремации и труположения, в большей части детских могил скелеты не фиксировались. Инвентарь представлен керамикой, а также костяными и каменными наконечниками стрел, бронзовыми ножами, золотыми серьгами в виде уплощенного кольца и раковинами каури. По мнению А.П. Уманского, могильник относится к послефедоровскому, синхронному на западе алакульскому этапу андроновской эпохи [7; 8, с. 36–37; 9, с. 99]. Из письма исследователя М.П. Грязнову по итогам работ хорошо видно, как барнаульский

археолог пытается осмыслить новый археологический материал, ввести его в более широкий контекст развития древних культур Южной Сибири, связать его с общими проблемами истории первобытности. А.П. Уманский фиксирует в Нижней Суетке и ряде других андроновских памятников Алтайского края исчезновение классических федоровских сосудов и преобладание в формах и орнаментации явления более позднего времени, а также, возможно, лесных северных культур. По его наблюдениям, в керамике стали наблюдаться регрессивные явления: горшковидные сосуды утрачивают красоту очертаний, стройность, орнамент получает тенденцию к «обеднению», упрощаются композиционные мотивы. Ученый считает возможным связывать изменения в материальной культуре с новыми явлениями в развитии общественных отношений: зарождении имущественного неравенства, «полной победе патриархата», понижении статуса женщины в родовой иерархии.

По мнению исследователя, андроновское население появилось в Верхнем Приобье на заключительном этапе развития федоровской культуры. Он также высказывает интересную мысль о том, что переселявшиеся на восток группы андроновцев первоначально могли осваивать плодородные долины крупных рек и лишь позднее в связи с ростом численности стали передвигаться в менее благоприятные засушливые районы, такие как Нижняя Суетка. По словам археолога, его также «очень волнуют» вопросы генетических связей населения андроновского и карасукско-ирменского времени: «Многое убеждает в том, что, во всяком случае, на Алтае андроновская культура, так сказать, «проросла» в карасукскую» [10].

Для свода памятников андроновской культуры А.П. Уманский готовил публикацию своих обширных материалов по этой эпохе. Согласно письму барнаульского археолога М.П. Грязнову, к октябрю 1964 г. эта работа на 75% была выполнена, но он «застрял на этом», а затем решил, что не сможет уложиться в установленные сроки [11]. Однако издание свода затягивалось, и в марте 1966 г. М.П. Грязнов в письме А.П. Уманскому подчеркивал, что «Ваше участие в нем совершенно необходимо» [12]. По воспоминаниям Алексея Павловича, он подготовил к печати описание вместе с рисунками и фотографиями материалов из Кытманова, Нижней Суетки, Ново-Александровки, Степного Чумыша и некоторых других памятников. Все иллюстрации были сделаны в одном экземпляре и большим пакетом направлены М.П. Грязнову. Однако издание сводов археологических памятников было прекращено, М.П. Грязнов переключился на масштабные раскопки в Красноярском крае и Туве, а сам альбом, по словам Алексея Павловича, где-то затерялся у учеников Михаила Петровича, причем отдельные вещи из него были изданы за границей [13, с. 11–12].

В 1965–1966 гг. экспедиция Барнаульского педагогического института возобновила исследования в Каменском районе в пунктах Раздумье-I, IV–VII. На городище Раздумье-I широких раскопных работ не предпринималось. Были заложены лишь раскопы поперек рва и валов, а также въезда в городище. В пределах поселения были вскрыты два грунтовых погребения со следами охры, а также изделия из кости и камня. Среди них выделялась небольшая каменная орнаментированная скульптурка, напоминающая птицу. А.П. Уманский высказал предположение о принадлежности погребений к неолиту, или афанасьевской энеолитической культуре [14].

На Раздумье-IV в 1965–1966 гг. было вскрыто восемь курганов IV–II вв. до н. э.); большинство могил было сильно повреждено или полностью разрушено грабителями. Погребальный инвентарь не отличался разнообразием, однако была найдена значительная серия керамики в виде плоскодонных и круглодонных кувшинов, баночных сосудов и встреченных в единичных экземплярах котловидного на поддоне и бочонковидного сосудов [15, с. 104–113]. На Раздумье-V и VI было исследовано по одному кургану, на Раздумье-VII продолжено изучение грунтового могильника. Наличие на Раздумье разнотипных и разновременных памятников от эпохи камня до середины II тыс. н. э. позволило А.П. Уманскому сразу по результатам раскопок в письме М.П. Завитухиной и в районной прессе назвать памятник «знаменитым» и сопоставить его по значимости с археологическим комплексом Ближние Елбаны у с. Большая Речка [14; 16]. Кроме Раздумья экспедиция в 1965 г. в ходе аварийно-разведочных работ выявила курганное поле в количестве 32 насыпей у села Соколово и исследовала два кургана близ Дресвянки, которые исследователь предварительно отнес к III–II вв. до н. э., а впоследствии передатировал V–III вв. до н. э. [17, с. 119–123]. В следующем году в Соколово А.П. Уманским было раскопано два кургана, в одном из которых было обнаружено четыре, а в другом восемь захоронений конца IV(III) — II в. до н. э. [18, с. 187–202].

Уже осенью 1965 г. в письме к сельской учительнице Г. Ю. Реут, рассказывая о раскопках на Раздумье-IV, А.П. Уманский отмечает, что их оставила «особая группа племен», отличная от населения Горного Алтая, предгорий и лесной зоны правобережья Оби. Алтайские степняки этого времени, по словам исследователя, близки к скифам и савроматам Поволжья, Южного Приуралья, Казахстана и Средней Азии. Результаты раскопок, на его взгляд, показывают, что есть все основания для выделения особой археологической культуры [19].

Эту же мысль о своеобразии памятников степной и лесостепной зоны Алтайского края второй половины I тыс. до н. э., отличающихся как от погребений большереченской культуры Верхнего Приобья,

так и от майэмирско-пазырыкско-шибинских курганов Горного Алтая, А.П. Уманский развивал в выступлении на пленуме Института археологии АН СССР в 1966 г. Правда, ввиду ограниченности источниковой базы он еще не решился говорить о новой археологической культуре [20, с. 33]. Позже, в начале 1980-х гг., вместе с В.А. Могильниковым он приведет развернутую аргументацию в пользу принадлежности большой группы памятников, преимущественно им же и раскопанных, к особой каменной культуре.

Летом 1968 г. основные археологические работы А.П. Уманский проводил на ирменском (карасукском — по терминологии 1960-х гг.) могильнике у станции Плотинная на правом берегу Оби близ Камня. Кроме того, на соседней дюне были открыты ирменское и неолитическое поселения, разрушенное кладбище новокаменного века и погребение второй половины II тыс. н.э. Участники экспедиции вели активные разведывательные поисковые работы, выявили ряд новых памятников древности, производили зачистки и небольшие раскопки у сел Аллак, Мереть, Кротово, Ширпотреб [21, л. 13–16].

В 1969 и 1971 гг. раскопки грунтового могильника Плотинная были продолжены. Всего здесь было изучено 49 одиночных, парных и коллективных захоронений. Погребальный обряд (захоронение в грунтовых могилах, иногда с деревянными обкладками по периметру ям, преимущественно южной ориентировки с отклонениями на юго-запад и юго-восток, трупоположение, скорченно, на правом боку), а также инвентарь (сосуды в основном плоскодонных форм со слабо выраженной шейкой, плавно переходящей в тулово, бронзовые ножи и украшения типичных форм) позволили руководителю раскопок датировать могильник поздним этапом карасукского времени [22, с. 3–18; 23, с. 3–14]*.

В 1972 г. археологическая экспедиция Барнаульского пединститута во главе с А.П. Уманским проводила аварийные раскопки близ села Ильинка Павловского (ныне — Шелаболихинского) района, откуда периодически поступали интересные находки бронзового века. Памятник в результате хозяйственных работ и природных явлений оказался разрушенным, и археологам достался преимущественно подъемный материал эпохи поздней бронзы [24, с. 19–20, 24–25]. Однако исследователям удалось вскрыть пять могил более позднего времени, две из них были безинвентарные, другие содержали остатки конского снаряжения, железные ножи, костяные и железные наконечники стрел и другие предметы. Первоначально

ученый отнес погребения к монгольскому времени, а впоследствии уточнил датировку в пределах VIII–X вв. н. э. [25, с. 84–85; 26].

Судьбоносным для А.П. Уманского стало сотрудничество с выдающимся советским археологом, создателем и бессменным директором Института истории, филологии и философии СО АН СССР Алексеем Павловичем Окладниковым. Их познакомил М.П. Грязнов в 1960 г. на совещании в Иркутске [27]. Как только А.П. Окладников переехал в Новосибирск еще в качестве заведующего сектором истории и филологии Института экономики, А.П. Уманский стремится установить с ним контакты. В самом конце 1961 или начале 1962 г. он через М.М. Громыко передает будущему академику бумагу с описанием наиболее интересных своих находок и просьбой помочь с естественно-научным определением материалов. А.П. Окладников откликнулся небольшим письмом с конкретными предложениями барнаульскому археологу выступить на заседании сектора с докладом и опубликовать в новосибирском сборнике статью о захоронении на Чарыше, а также с обещанием найти лабораторию для анализа металла и других веществ [28]. А.П. Уманский сразу же согласился приехать в ближайшее время в Новосибирск, однако по неясной причине эта поездка не состоялась. Что касается тугозвонских материалов, то они находились еще в стадии обработки, поэтому публиковать их сразу в академическом сборнике он, видимо, не решился [29].

В дальнейшем эпизодические контакты двух ученых продолжались. Весной 1968 г. А.П. Уманский в районе села Куяос вместе с новосибирскими коллегами участвовал в поисках и копировании наскальных изображений [30, с. 18–19]. В начале июня 1969 г. он в составе группы сотрудников Института истории, филологии и философии СО АН СССР (ИИФиФ) во главе с А.П. Окладниковым вновь побывал в Горно-Алтайске для закладки разведочного раскопа по склону террасы знаменитой впоследствии палеолитической стоянки Улалинка. Затем барнаульский археолог сопровождал академика до Новосибирска, где были намечены планы по раскопкам этого памятника [31]. 29 июня этого же года А.П. Окладников перед отъездом в Братск и Якутск пишет А.П. Уманскому письмо, в котором дает краткие методические указания по изучению данного объекта [32].

В июле группа студентов-практикантов исторического факультета Барнаульского пединститута во главе с А.П. Уманским производила раскопки обрывистого берега реки в месте расположения памятника.

* Первая предварительная публикация материала могильника была осуществлена в 1974 г. Незадолго до кончины А.П. Уманский подготовил к печати монографический вариант публикации памятника. После его смерти рукопись согласно воли покойного была передана для редактирования специалисту по эпохе поздней бронзы А. Б. Шамшину. К сожалению, из-за болезни редактора рукопись была утрачена. В настоящее время восстановление, доработку и публикацию монографии осуществляют сотрудники Алтайского государственного университета.

Часть склона была зачищена небольшими ступенями от подошвы до самого верха; более крупные раскопы были заложены в нижней части террасы. В результате исследования было найдено более 500 каменных предметов: галечные рубящие орудия с широким поперечным лезвием (чопперы), галечные скребла, подправленные мелкой оббивкой (ретушь) по краю, огромный кварцитовый валун, который, вероятно, использовался для откалывания заготовок для орудий труда. Некоторые из найденных изделий напоминали ручные рубила, но были более архаичного облика, ввиду чего А. П. Окладников назвал их «проторубилами».

В начале октября, возвращаясь из Монголии, академик побывал на раскопе, «радовался тому, как много и прекрасно» сделала барнаульская экспедиция, выражал «горячее желание» продолжить совместную работу. В своем письме он подчеркивал: «Я Вас высоко ценю как исследователя и человека! ... Прошу не терять контактов со мной — звонить, писать, хотя бы открытки. ... Не стесняйтесь, Ал. Павлович — я всегда душой с Вами» [33]. В середине октября Окладников направляет письмо ректору Барнаульского пединститута П.И. Иващенко с просьбой передать «сердечную благодарность» А.П. Уманскому и студентам за «героическую работу» на Улалинке: «...мало найдется примеров в практике исследования палеолитических поселений, где столь широкие масштабы сочетались бы с такой точностью и прямо таки скрупулезностью исследования, как это имело место в работах 1969 года...» [34, с. 66].

В 1970 и 1973 гг. экспедиция Барнаульского пединститута во главе с А.П. Уманским продолжила работы на Улалинке, исследовав преимущественно верхнюю часть прибрежной террасы. Изучение этого памятника произвело настоящую сенсацию в научном мире и имело, по словам А.П. Деревянко, исключительное значение для всей археологии Северной Азии [35, с. 3]. Гипотеза А.П. Окладникова о раннепалеолитическом возрасте находок и принадлежности Алтая к одному из древнейших очагов расселения первобытного человека породила длительную дискуссию и привела к рождению принципиально новой концепции о значительно более раннем, чем традиционно считалось, появлении человека в Сибири. Раскопки в Горно-Алтайске А.П. Окладников назвал «самыми важными» из исследований сибирских археологов последних лет, считал, что «они делают революцию в археологии Сибири» [36].

В 1970 г. А.П. Уманский в составе группы археологов Института истории, филологии и философии во главе с А.П. Окладниковым принял участие в обследовании пещер в верховьях рек Чарыш, Ануй и Песчаная. В газетной публикации, посвященной перспективам археологического изучения этих объектов, А.П. Уманский характеризует Денисову пе-

щеру как «интереснейшую, сулящую важные открытия». С учетом того, что эти слова были сказаны до начала планомерного изучения этого памятника Н.Д. Оводовым и другими новосибирскими археологами и почти за 40 лет до сенсационной находки там нового вида древнего человека, можно только поражаться научной интуиции и прозорливости барнаульского археолога [37].

В середине 1960-х гг. А.П. Уманский в основном закончил обработку находок из «княжеского» погребения в Тугозвонovo, и во весь рост встала задача научного издания материала. Первоначально речь шла о публикации в «Археологическом сборнике» Государственного Эрмитажа, но смерть Б.А. Латынина, который всячески поддерживал начинания барнаульского исследователя, осложнила решение данного вопроса. Тогда в марте 1969 г. А.П. Уманский обратился с обширным письмом непосредственно к директору Эрмитажа академику Б.Б. Пиотровскому. Несмотря на колоссальную разницу в социальном положении и научном статусе между автором послания и его адресатом, тон письма не просительно-заискивающий с бюрократическим изложением вопроса «по существу». Перед нами скорее выстраданный рассказ о непростой истории провинциального исследователя, благодаря деятельности которого фактически дважды были спасены для науки уникальные находки (сначала пришлось «выколачивать» их у местных жителей, потом преодолевать бюрократические препоны местных чиновников, чтобы определить изделия в столичный музей). А в результате он оказался «посторонним» для всех издательств, а печатать в соавторстве с кем-либо из научных светил отказывался из принципиальных соображений [38]. По имеющимся в нашем распоряжении источникам неизвестно, ответил ли Б.Б. Пиотровский барнаульскому археологу, ясно лишь, что определить рукопись в издательство Государственного Эрмитажа не удалось.

По поводу издания тугозвоновских находок А.П. Уманский обращался и в Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы. Однако полиграфические возможности этого учреждения были ограничены; формальным же поводом для отказа послужило то, что памятник находится за пределами Горно-Алтайской автономной области [39, л. 40]. В сентябре 1969 г. ученый предпринимает еще одну попытку определить рукопись, теперь уже в Сибирское отделение Академии наук. Видимо, после предварительного разговора с А.П. Окладниковым он пишет заявку на включение в план издания на 1971 г. книги «Погребение эпохи «великого переселения народов» на Чарыше» объемом шесть печатных листов с черно-белыми и цветными фотографиями. Сразу после защиты кандидатской диссертации в декабре 1970 г. исследователь

вновь подает заявление на имя А.П. Окладникова с просьбой включить данную монографию уже объемом 10 печатных листов в план издания научной литературы на 1972 г. [40, л. 9]. Однако пройдет еще около 10 лет, пока это намерение осуществится, и, к сожалению, не в виде монографии, а статьи объемом 3,1 печатных листа с черно-белыми иллюстрациями [41, с. 129–163].

Таким образом, в годы напряженной работы по подготовке и защите кандидатской диссертации по истории «Телеутской земли» А.П. Уманский продолжает плодотворные археологические исследо-

вания. Он проводит полевые экспедиционные изыскания, прилагает усилия по обобщению и публикации полученных материалов. Вполне вероятно, что если бы идея с ленинградской аспирантурой была реализована, то под руководством А.П. Уманского впоследствии возникла бы авторитетная археологическая школа. Однако в силу указанных выше обстоятельств ему пришлось совмещать археологические и исторические исследования, не говоря уже о преподавательской работе, административных обязанностях и общественных поручениях, требовавших огромных временных затрат.

Библиографический список:

1. Демин М.А. А.П. Уманский: первые шаги в науку // Вопросы археологии и истории юга Западной Сибири. — Барнаул, 2013.
2. Демин М.А. Археологические исследования А.П. Уманского на Алтае (1956–1963 гг.) // Известия Алтайского гос. ун-та. Серия: Исторические науки и археология. — 2016. — № 2 (90). DOI:10.14258/izvasu(2016)2-36.
3. Письмо А.П. Уманского. Ноябрь–декабрь 1963 г. Личный архив вдовы ученого Тамары Аверьяновны Уманской.
4. Письмо А.П. Уманского. 20 декабря 1963 г. Личный архив Т.А. Уманской.
5. Письмо М.П. Грязнова. 2 января 1964 г. Личный архив Т.А. Уманской.
6. Государственный архив Алтайского края (ГААК). — Ф. Р-1820. — Оп. 1. — Д. 155.
7. ГААК. — Ф. Р-1820. — Оп. 1. — Д. 62.
8. Уманский А.П. Итоги археологических раскопок в Нижней Суетке в 1964 году // Тезисы докладов Пленума Института археологии АН СССР. Секция: Неолит и бронзовый век. — М., 1966.
9. Уманский А.П. Новые памятники андроновской культуры на Алтае // Известия лаборатории археологических исследований. — Вып. I. — Кемерово, 1967.
10. Письмо А.П. Уманского. 1 января 1965 г. Личный архив Т.А. Уманской.
11. Письмо А.П. Уманского. 22 октября 1964 г. Личный архив Т.А. Уманской.
12. Письмо М.П. Грязнова. 6 марта 1966 г. Личный архив Т.А. Уманской.
13. Уманский А.П. Мой первый учитель по археологии // Вопросы археологии и истории юга Западной Сибири. — Барнаул, 2013.
14. Уманский А. Тайны курганов // Строитель коммунизма. — 1965. — № 129 (5342). 13 авг.
15. Уманский А.П. Аварийные раскопки в урочище Раздумье в 1965–1966 гг. // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края : материалы Всероссийской конф. — Вып. XII. — Барнаул, 2001.
16. Письмо А.П. Уманского. 8 августа 1965 г. Личный архив Т.А. Уманской.
17. Уманский А.П., Телегин А.Н. Два кургана раннежелезного века близ села Дресвянка // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края : материалы науч.-практ. конф. — Вып. V, ч. II. — Барнаул, 1995.
18. Уманский А.П., Брусник Н.Д. Соколовские курганы // Археология и этнография Алтая. — Барнаул, 1982.
19. Письмо А.П. Уманского. 4 ноября 1965 г. Личный архив Т.А. Уманской.
20. Уманский А.П. К вопросу о периодизации большереченской культуры // Скифская эпоха Алтая : тезисы докл. к конф. — Барнаул, 1986.
21. ГААК. — Ф. Р-1820. — Оп. 1. — Д. 116.
22. Уманский А.П., Демин М.А. Керамика карасукского могильника у ст. Плотинная // Некоторые вопросы истории СССР. — Барнаул, 1974.
23. Уманский А.П., Демин М.А. Бронзовый инвентарь могильника эпохи поздней бронзы у станции Плотинная // Вопросы истории СССР. — Барнаул, 1974.
24. Уманский А.П. Находки эпохи бронзы из Верхнего Приобья // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. — Барнаул, 1992.
25. Уманский А.П., Караваев А.В. Аварийные раскопки у села Ильинка в 1972 году // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии Алтая : материалы конф. — Горно-Алтайск, 1992.
26. Уманский А. Древности земли Павловской // Новая жизнь. — 1985. — № 122 (6343). 10 окт.
27. Письмо А.П. Уманского. 13 февраля 1962 г. Личный архив Т.А. Уманской.
28. Письмо А.П. Окладникова. 9 февраля 1962 г. Личный архив Т.А. Уманской.
29. Письмо А.П. Уманского. 13 февраля 1962 г. Личный архив Т.А. Уманской.
30. Уманский А.П. Великий труженик науки // Вопросы археологии и истории юга Западной Сибири. — Барнаул, 2013.

31. Письмо А.П. Окладникова. 10 июня 1969 г. Личный архив Т.А. Уманской.
32. Письмо А.П. Окладникова. 29 июня 1969 г. Личный архив Т.А. Уманской.
33. Письмо А.П. Окладникова. 19 октября 1969 г. Личный архив Т.А. Уманской.
34. Архив Алтайского государственного педагогического университета. — Ф. 1. — Оп. 10. — Д. 88.
35. Деревянко А.П. Некоторые проблемы каменного века на Алтае // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. — Барнаул, 1988.
36. Уманский А. Улалинка 69-70 // Алтайская правда. — 1971. — № 40 (14932). — 17 февр.
37. Уманский А. Пещерные стоянки Алтая // Алтайская правда. — 1973. — 1 июля.
38. Письмо А.П. Уманского. 1 сентября 1969 г. Личный архив Т.А. Уманской.
39. ГААК. — Ф. Р-1820. — Оп. 1. — Д. 149.
40. ГААК. — Ф. Р-1820. — Оп. 1. — Д. 156.
41. Уманский А.П. Погребение эпохи «великого переселения народов» на р. Чарыше // Древние культуры Алтая и Сибири. — Новосибирск, 1978.